

ОБОРОТЕНЬ НА КОНТРАКТЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОЛЬГА ЕФИМОВА

18+

Ольга Ефимова

Оборотень на контракте

<https://litres.ru/74350073>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — Эвелин Харт, адвокат, не верящий в любовь. Он — Доминик Вульф, альфа клана Белых Волков, проклятый и лишённый способности обращаться. Их союз — всего лишь контракт. Фиктивный брак, искусственное зачатие, десять миллионов долларов и ровно один год. Никаких чувств.

Но в первую же полную луну в Эвелин пробуждается древняя кровь рода Луны. Её волк безошибочно узнаёт в Доминике истинную пару. Теперь их связь — не просто бумага. Это судьба, которую невозможно разорвать. Проклятие, тяготеющее над кланом, переходит на неё, высасывая жизнь с каждым днём. А в тени уже плетут интриги те, кто хочет использовать её силу, чтобы уничтожить всех альф и захватить власть.

Эвелин должна научиться управлять своей силой — способной как исцелять, так и уничтожать. Доминик должен снова обрести своего зверя, чтобы защитить ту, ради которой он готов пожертвовать всем. Им предстоит пройти через проклятия, предательства и войны.

Содержание

Пролог	4
ГЛАВА 1. ЧУЖОЙ ДОМ	10
ГЛАВА 2. ПЕРВАЯ ЛУНА	23
ГЛАВА 3. ПРИЗРАК ПРОШЛОГО	37
ГЛАВА 4. ТАЙНЫ СТАРОГО ДОМА	51
ГЛАВА 5. ПЕРВАЯ КРОВЬ	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ольга Ефимова

Оборотень на контракте

Пролог

Четыре года назад. Приют «Тихий лес»

Эвелин Харт стояла у окна и смотрела, как дождь размывает грязь на дорожке. Ей было двадцать два, она только что сдала адвокатский экзамен. Но вместо того чтобы праздновать, она приехала сюда — в место, где прошло ее детство.

— Мисс Харт? — раздался голос за спиной.

Она обернулась. Директор приюта, пожилой мужчина с добрыми глазами, держал за руку мальчика лет девяти. Ребёнок был худым, с огромными синяками под глазами и дрожащими плечами. Он сжимал в кулаке, какой то желтый клочок бумаги.

— Это Денни, — сказал директор. — Его вчера привезли из клана Серых. Они вышвырнули его после первой же луны.

Эвелин присела на корточки, стараясь не делать резких движений.

— Привет, Дэнни. Я — Эви.

Мальчик молчал. Он не смотрел на неё. Он смотрел в пол, и от этого взгляда у Эвелин сжалось сердце.

— Мисс Харт, — тихо сказал директор, — у него нет документов. Клан отказался его признавать. Он даже не знает, как звали его родителей. Мы хотим отдать его в обычную школу, но без бумаг.

— Я помогу, — перебила она. — Я оформлю опеку. Временно, до тех пор, пока не найдется семья.

Мальчик поднял голову. В его глазах блеснула надежда — такая слабая, что Эвелин едва её заметила.

— Ты не боишься меня? — с просил он хрипло. — Я оборотень. Я могу обращаться. Я могу порвать тебя на куски.

Эвелин улыбнулась — теплой улыбкой, которую она приобретала для самых сложных случаев.

— Я работаю с оборотнями, Дэнни. Я знаю, что вы не монстры. Вы просто дети, которым не повезло родиться в неправильной семье.

Он шмыгнул носом и протянул ей жёлтый клочок бумаги.

— Это моя единственная фотография. Моя мама. Она умерла, когда я был маленьким. Она тоже была... слабой. Её убили

Эвелин взяла снимок. На нём была женщина с тёплыми карими глазами и мальчик, который смеялся, сидя у неё на коленях.

— Я сохраню её для тебя, — сказала Эвелин.

— А когда ты вырастешь, я верну её тебе.

Дэнни кивнул и вдруг бросился к ней, обхватив руками за шею. Он плакал — тихо, почти беззвучно, как плачут волча-

та, которые знают, что их крик никто не услышит.

Эвелин гладила его по голове и думала о том, как много таких детей. Слабых. Неудачных. Выброшенных стаями, как мусор. Она поклялась себе, что сделает всё, чтобы они никогда не чувствовали себя ненужными.

Настоящее время. Кабинет Доминика Вульфа

Эвелин сидела в кожаном кресле, сжимая папку с контрактом, и смотрела на мужчину, который ей предлагал десять миллионов долларов.

«На эти деньги я смогу открыть десять приютов, — думала она. — Я смогу нанять психологов, юристов, учителей. Я смогу дать этим детям шанс, которого у них никогда не было»

Она думала о Дэнни, которому сейчас тринадцать. О том, как он пишет ей письма каждую неделю, рассказывая, что его взяли в семью обычные люди, которые его не боятся. О том, как в последнем письме он написал *«Эви, ты моя семья. Ты единственная, кто никогда не сдался»*.

— Мисс Харт, — вывел её раздумий голос Доминика. — Вы слушаете меня?

Она моргнула и подняла на него глаза. Взгляд серый, холодный, словно она — не человек, а просто предмет сделки.

— Да, — сказала она твёрдо. — Я принимаю ваши условия.

Доминик, чуть приподнял бровь, удивлённый её решимостью.

— Вы даже не спросили, какая будет сыворотка. Как она подействует. Больно ли это. Вы не боитесь?

Эвелин усмехнулась — сухо, почти цинично.

— Мистер Вульф, я видела детей, которых вырывали из лап собственных родителей за то, что они не умели превращаться. Я видела девятилетнего мальчика, который боялся собственной тени, потому что его били за каждый писк. — Она подалась вперёд, и в её голосе зазвенел металл. — Боль мне страшна. Страшно другое: остаться беспомощной, когда я могу помочь.

На мгновение ей показалось, что в их глазах Доминика мелькнула что-то похожее на уважение. Но он быстро спрятал это за маской равнодушия.

— вы благородная дура, — сказал он, протягивая ей ручку. — Но это именно то, что мне нужно. Искренняя и предсказуемая.

Она взяла ручку, но перед тем как поставить подпись, остановилась.

— Один вопрос, — сказала она. — Почему вы выбрали именно меня? В мире тысячи женщин из древних родов. Наверняка многие согласились бы стать вашей женой.

Доминик помолчал, он смотрел на неё так пристально, что Эвелин стало не по себе.

— Потому что ты — единственная, кто не попросил ни копейки сверху, — ответил он. — И поэтому я знаю: ты не влюбишься в меня. Ты слишком занята спасением мира.

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было насмешки. Была горечь — старая, глубокая, которой он носил внутри много лет.

«Идиотка, — подумала она, подписывая контракт. — Конечно, я не влюблюсь. Я знаю, что за люди такие, как он. Богатые, властные, холодные. Они не умеют любить. Они умеют только брать».

Она ошиблась.

Она не знала, но через три недели, когда она впервые завоюет луну, её волк узнает в нём то, что она пыталась отрицать. Свою истинную пару.

А он, стоящий в дверях и смотрящий на неё с болью, которую нельзя было подделать, поймет, что его план рухнул в тот самый момент, когда она сказала «да».

Где-то в подземелья особняка Вульфа сидел старейший клана, перебирая четки из волчьих клыков. Он знал всё. Видел всё.

— Она активировалась, — прошептал он в пустоту. — Девочка из клана Луны обратилась раньше срока.

Его губы расплзлись в улыбке.

— Доминик думает, что заключил сделку. Он думает, что она просто инструмент. Но она — слабость. И когда она родит наследника Мы заберем её. А его убьем.

Он поднялся с кресла и посмотрел в окно, где на полную луну выли волки.

— Ему нужен наследник. Ему нужна власть. Но он не зна-

ет, что я много лет хочу того же. И я получи это — через неё.

Старейшина рассмеялся тихо, зловеще и эхо его смеха разнеслось по тёмным коридорам особняка, предвещая беду.

ГЛАВА 1. ЧУЖОЙ ДОМ

Особняк Вульфа встретил Эвелин запахом старого дерева и денег. Она стояла на пороге, сжимая в руках единственную сумку с вещами, и смотрела на холл, который мог бы вместить её бывшую квартиру раз десять. Мраморный пол, хрустальная люстра, лестница, уходящая вверх, словно в небеса. И тишина. Звонящая, холодная, почти враждебная.

— Ваша комната на втором этаже, — сказал дворецкий, пожилой оборотень по имени Хендрикс, который открыл дверь с таким видом, будто ждал её целую вечность. — Его Светлость просил передать, что он будет занят до вечера. Ужин подадут в восемь.

Эвелин кивнула, стараясь не показывать, как дрожат её руки. Она переступила порог, и дверь за ней закрылась с глухим щелчком, от которого у неё мурашки побежали по спине.

«Ты сама на это подписалась, — напомнила она себе. — Десять миллионов. Приюты. Дэнни. Ты делаешь это ради них».

Хендрикс проводил её до комнаты — просторной, светлой, с огромной кроватью под балдахином и французскими окнами, выходящими в сад. Комната была красивой, но безликой. Как номер в дорогом отеле, где никто не живёт по-настоящему.

— Если что-то понадобится, нажмите кнопку вызова, — сказал дворецкий. — И ещё... — Он замялся, будто подбирая слова. — Его Светлость предупредил, что вы можете чувствовать некоторый дискомфорт. Особняк... он не привык к новым людям. Но здесь безопасно.

С этими словами Хендрикс поклонился и вышел, оставив Эвелин одну в чужом доме, который пах чужим счастьем.

Она подошла к окну и посмотрела вниз. Сад был огромным — лабиринт из живых изгородей, фонтанов и статуй волков, застывших в разных позах. Почему-то эти статуи показались ей живыми. Словно они наблюдали за ней из-за каменных глаз.

— Не думай об этом, — пробормотала она, отходя от окна. — Ты здесь всего на год. Год пролетит быстро.

Эвелин провела оставшиеся часы, разбирая вещи. У неё было мало — пара платьев для официальных мероприятий, удобная домашняя одежда, ноутбук и стопка книг по праву оборотней. Она расставила их на полке, стараясь придать комнате хоть каплю уюта, но тщетно. Комната сопротивлялась. Словно стены не хотели принимать её.

К семи часам она приняла душ, переделась в простое шёлковое платье (ничего слишком открытого, чтобы не провоцировать) и спустилась в столовую.

Доминик уже был там.

Он сидел во главе длинного стола, накрытого на две персоны, и читал какие-то бумаги. Свет канделябров падал на

его лицо, делая его ещё более резким, почти хищным. Он поднял взгляд, когда она вошла, и на мгновение Эвелин показалось, что в его серых глазах мелькнула тень одобрения.

— Садись, — сказал он, кивая на место напротив себя. — Я просил повара приготовить что-то лёгкое. Ты вегетарианка, как я понял из анкеты.

Эвелин удивилась. Она не помнила, чтобы указывала это в документах.

— Откуда вы знаете?

— Я проверил все твои медицинские карты, — ответил он без тени смущения. — Следующая луна через три недели. Твой организм должен быть готов.

Она села, чувствуя себя неловко. Она привыкла к тому, что партнёры по переговорам уважают её личное пространство. Но Доминик, казалось, не признавал границ. Он говорил о её теле, как о своём имуществе, и это бесило.

— Мистер Вульф, — начала она, принимая тарелку с супом, который пах травой и мёдом, — я понимаю, что мы подписали контракт, но я хотела бы, чтобы между нами было больше... профессиональной дистанции. Вы не обязаны знать все мои привычки.

Он наклонил голову, и на его губах мелькнула лёгкая усмешка.

— У нас будет общий ребёнок, Эвелин. Это чуть больше, чем «профессиональная дистанция». — Он отправил в рот кусок мяса — редкого, почти сырого, и она заметила, что он

не пользуется ножом. Откусывает прямо с вилки, как зверь. — Но я не буду лезть в твою жизнь, если ты не будешь лезть в мою. Договорились?

— Договорились, — ответила она, с трудом заставляя себя есть.

Ужин прошёл в гнетущем молчании. Эвелин чувствовала на себе его взгляд — спокойный, изучающий, словно он сканировал каждую её клетку. Она знала, что оборотни видят больше, чем люди. И сейчас, глядя на него, она вдруг поняла, что для него она — не человек. Она — инструмент. Точнее, сосуд, в котором он вырастит своё семя.

«Сосуд, — повторила она про себя. — Чудесно. Просто чудесно».

После ужина она поднялась в свою комнату, чувствуя странную тяжесть в теле. Словно воздух в особняке был плотнее, чем снаружи, и каждый шаг давался с трудом. Она закрыла дверь на засов, переоделась в пижаму и легла в кровать, надеясь, что сон придёт быстро.

Но сон не шёл.

Она ворочалась до полуночи, слушая, как за окнами воют ветра. Особняк вздыхал, поскрипывал и шептался по углам, словно живое существо, недовольное её присутствием. В какой-то момент ей показалось, что она слышит шаги за дверью — медленные, тягучие, похожие на шаги зверя, который обходит свою территорию.

Эвелин села на кровати, вглядываясь в темноту.

— Кто здесь? — спросила она, и голос её прозвучал хрипло.

Тишина.

Она закрыла глаза, пытаясь успокоить сердцебиение. «Это просто старый дом, — убеждала она себя. — В старых домах всегда так. Скрипы, вздохи, порывы ветра. Ничего сверхъестественного».

Но когда она открыла глаза, на пороге стоял Доминик.

Он был без рубашки, в одних спортивных штанах, и его торс, покрытый шрамами, блестел в лунном свете, который просачивался через шторы. Глаза его светились — не обычным серым светом, а тем, который она видела у оборотней в их звериной форме.

— Мистер Вульф? — выдохнула она, прижимая одеяло к груди. — Что вы здесь делаете?

Он сделал шаг в комнату, и она почувствовала странный запах — волк и сосновая смола. Он подошёл к её кровати, наклонился и положил руку на её живот. Ладонь была горячей, почти обжигающей.

— Ты моя, — сказал он хрипло. — Я пришёл сказать тебе это. Ты моя, и ты никуда не уйдёшь.

Эвелин замерла. Она хотела возразить, оттолкнуть его, но тело не слушалось. Пальцы сами потянулись к его лицу, и она провела по его скуле, чувствуя, как он дрожит под её прикосновением.

— Что с тобой? — спросила она шёпотом.

Он усмехнулся — странно, почти зверино.

— Я не могу спать, когда в моём доме чужая. Я не могу спать, когда знаю, что ты здесь. В моей постели. В моём доме.

И он наклонился к ней, вдыхая запах её волос, и Эвелин почувствовала, как её сердце пропускает удар. Она хотела, чтобы это длилось вечно.

Но в следующий миг он отшатнулся, словно его ударили. Он зажмурился, покачал головой, и когда открыл глаза, в них не было того зверино-го блеска. Только холод, усталость и что-то похожее на испуг.

— Прости, — выдохнул он. — Я не должен был этого делать.

— Доминик, — начала она, но он уже развернулся и вышел из комнаты, оставив дверь открытой.

Снаружи завыл ветер, и Эвелин осталась одна, дрожащая, сбита с толку и чувствуя странную пустоту внутри. В той части тела, которую он коснулся, всё ещё горел жар.

«Что это было? — думала она, лёжа в кровати и глядя в потолок. — Это был не он. Это был зверь. Его зверь, который, как он сказал, мёртв».

Но она знала — зверь не мёртв. Он просто спал. И этой ночью он проснулся, чтобы дать ей знать: он здесь. И он её чувствует.

Эвелин не спала до утра. Она лежала в кровати, прислушиваясь к шагам за дверью, но больше никто не приходил. Только ветер гулял по коридорам, завывая, словно тосковал.

Она думала о Доминике. О том, как он смотрел на неё в столовой, будто она была не просто женщиной, а загадкой, которую он хотел разгадать. О том, как он пришёл к ней ночью, полуголый, с глазами, полными боли и голода.

«Он не хочет меня, — твердила она себе. — Он хочет наследника. Он хочет ребёнка. Я — просто инструмент. И я не позволю себе влюбиться».

Но её сердце билось быстрее, когда она думала о его прикосновении. О запахе его кожи. О том, как он прошептал: «Ты моя».

К утру она поняла, что совершила страшную ошибку. Она согласилась на этот брак, чтобы помочь детям, но она не учла одного: она не сможет остаться равнодушной. Потому что Доминик Вульф не был просто холодным миллиардером. Он был оборотнем, и его зверь, спящий и мёртвый, уже тянулся к ней.

Утро принесло туман и сырость. Эвелин спустилась в столовую, ожидая увидеть Доминика за завтраком, но его не было. Хендрикс сообщил, что «Его Светлость» уехал на встречу и вернётся только к вечеру. Она не знала, радоваться ей или огорчаться.

После завтрака она решила осмотреть особняк, чтобы развеять мысли. Дом был огромным, запутанным, и она несколько раз заблудилась в бесконечных коридорах. Но в какой-то момент она наткнулась на комнату, которая была закрыта.

Дверь была старой, из тёмного дуба, с изображением волчьей головы, которая скалилась. Эвелин попыталась открыть её, но дверь была заперта.

— Не стоит, — раздался голос за спиной.

Она обернулась. Это был Хендрикс. Дворецкий стоял в тени, держа в руках поднос с пустыми чашками, и смотрел на неё с лёгким укором.

— Это комната Его Светлости, — объяснил он. — Он никого туда не пускает.

— Я просто гуляла, — сказала Эвелин, отходя от двери. — Я не хотела вторгаться.

— Понимаю, мисс Харт, — ответил Хендрикс, и в его голосе послышалась лёгкая усмешка. — Но здесь есть места, которые лучше не трогать. Особняк хранит много тайн. Особенно те, что касаются проклятия.

— Проклятия? — переспросила она.

Хендрикс поколебался, словно раздумывая, стоит ли говорить. Но потом подошёл ближе, понизил голос и сказал:

— Его Светлость не говорит об этом, но ваш контракт — не первая его попытка. Были и другие женщины. Из древних родов. Они соглашались на сделку, но... — он сделал паузу, — они умирали. После луны. Их организмы не выдерживали.

Эвелин почувствовала холод, ползущий по позвоночнику.

— Вы хотите сказать, что он знал об этом? Что он намеренно рисковал их жизнями?

— Он — альфа, мисс Харт, — сказал Хендрикс с усталостью. — Он привык жертвовать другими ради своей цели. Но вы... — он посмотрел на неё со странным выражением, — вы отличаетесь. Я вижу в вас что-то, чего не было в них. Вы не боитесь.

— Я боюсь, — призналась Эвелин. — Очень боюсь. Но я не могу позволить страху управлять мной.

Хендрикс кивнул, и в его глазах мелькнула тень уважения.

— Тогда, возможно, вы — та, кто сможет его спасти.

Он развернулся и ушёл, оставив Эвелин стоять перед запертой дверью с волчьей головой.

«Спаси его, — думала она. — Спаси от чего? От проклятия? От него самого?»

Она посмотрела на дверь, и ей почудилось, что за ней кто-то есть. Кто-то, кто дышит в такт с её сердцем.

Вечером Доминик вернулся. Он был напряжённым — воротник рубашки расстегнут, глаза покраснели, словно он не спал несколько дней. Он прошёл мимо неё в столовую, не сказав ни слова, и сел за стол, уставившись в тарелку.

— Ты выглядишь уставшим, — сказала Эвелин, занимая своё место. — Всё в порядке?

— Всё прекрасно, — ответил он, не поднимая глаз. — Просто переговоры. Ты же знаешь, как это бывает.

— Я адвокат, — напомнила она. — Я знаю, как это бывает. И я знаю, когда кто-то врёт.

Он поднял на неё взгляд — тот самый, серый и глубокий,

от которого у неё перехватывало дыхание.

— Ты хочешь знать правду, Эвелин? — спросил он с вызовом. — Хорошо. Правда, в том, что я пытался найти женщину для этого контракта три года. Три года, и все, кого я выбирал, умирали. Моя кровь убивала их. Моё семя — тоже. — Он усмехнулся — злая, горькая усмешка. — Поэтому я и выбрал тебя. Ты сильная. Ты не сдашься.

— И ты решил рискнуть мной, — сказала она тихо. — Также, как рисковал другими.

Он откинулся на спинку стула, и его лицо стало неузнаваемым. Жестоким, холодным, чужим.

— Да, — ответил он. — Я — монстр, Эвелин. И ты подписалась на это.

Она выдержала его взгляд. Ей хотелось закричать, бросить в него тарелку, уйти и забыть об этом чудовище. Но она держала себя в руках, потому что знала: за этим монстром скрывается человек. Тот, кто пришёл к ней ночью и прошептал: «Ты моя».

— Может быть, ты и монстр, — сказала она, — но даже монстр может быть спасён.

Он рассмеялся — хрипло, без радости.

— Ты наивна, Эвелин. Ты думаешь, что любовь спасёт меня? — Он покачал головой. — Любовь — это иллюзия. Единственная реальность — это власть. И я получу её. С твоей помощью или без неё.

Ночью Эвелин снова не спала. Она лежала в постели, при-

слушиваясь к звукам особняка, и думала о словах Хендрикса. О женщинах, которые умирали. О проклятии. О Доминике, который называл себя монстром.

Она вышла из комнаты и направилась к той двери, которую видела днём. На этот раз она была открыта. Эвелин осторожно заглянула внутрь и замерла.

Комната была пустой — если не считать одного: на полу, в центре, лежал Доминик. Он был без сознания, его тело корчилося в конвульсиях, а из горла вырывался звериный рык. На его коже проступали шрамы — старые, глубокие, словно его рвали на части бесчисленное количество раз.

— Доминик! — закричала она, бросаясь к нему. — очнись!

Она попыталась встряхнуть его, но его тело было горячим, почти раскалённым. Он открыл глаза — серые, но с жёлтыми зрачками, и в них плескался страх.

— Уйди, — прохрипел он. — Уйди, пока я не причинил тебе боль.

— Нет, — сказала она, не отступая. — Я не уйду.

Она прижала его голову к своей груди, чувствуя, как он дрожит, как его пальцы впиваются в её плечи. И как он пытается оттолкнуть её, но не может.

— Ты не понимаешь, — прошептал он. — Мой зверь... он просыпается. Из-за тебя. Он чувствует тебя. Он хочет тебя.

— Тогда пусть просыпается, — сказала она. — Я готова. На мгновение его тело обмякло. Он поднял на неё взгляд,

и в нём не было прежней холодности. Только усталость и что-то похожее на благодарность.

— Ты дура, — сказал он. — Ты — самая большая дура, которую я встречал.

— Возможно, — ответила она с лёгкой улыбкой. — Но я — твоя дура.

Он хотел что-то сказать, но вместо этого его глаза закрылись, и он потерял сознание. Эвелин осталась сидеть на полу, держа его в своих объятиях, чувствуя, как его дыхание становится ровным и спокойным. Она смотрела на его лицо, освещённое лунным светом, и знала: она сделает всё, чтобы спасти его. Даже если это будет стоить ей жизни.

Утром Доминик проснулся первым. Он открыл глаза и увидел, что его голова лежит на коленях Эвелин. Она спала, прислонившись спиной к стене, и на её лице застыло выражение покоя. Он смотрел на неё и чувствовал странное тепло в груди — то, чего не чувствовал уже много лет.

— Эвелин, — прошептал он, касаясь её щеки. — Просыпайся.

Она открыла глаза, и, увидев его, улыбнулась. Эта улыбка пронзила его насквозь, и он понял, что его план — использовать её, жениться на ней и забыть — пошёл под откос. Потому что он не хотел её забывать. Он хотел держать её рядом. Всегда.

— Ты в порядке? — спросила она, её голос был хриплым со сна.

— Да, — ответил он. — Благодаря тебе.

Она смутилась, отвела взгляд и попыталась встать, но он удержал её, взяв за руку.

— Спасибо, — сказал он. — Я не заслуживаю твоей заботы.

— Никто её не заслуживает, — ответила она. — Но это не значит, что кто-то не нуждается в ней.

Он отпустил её, и она ушла, оставив его одного в пустой комнате. Он смотрел на дверь, которая закрылась за ней, и впервые за долгие годы позволил себе улыбнуться — искренне, тепло, почти по-человечески.

Эвелин чувствовала себя странно. Лёгкой, свободной и вместе с тем привязанной к этому дому, к этому человеку, который называл себя монстром. Она шла по коридору, думая о его глазах, о его прикосновениях, о том, как он прошептал ей «спасибо».

«Всё будет хорошо, — сказала она себе. — Ты справишься. Ты — сильная. Ты — адвокат. Ты не влюбишься в чудовище».

И она уже влюбилась. И она знала: что это только начало.

ГЛАВА 2. ПЕРВАЯ ЛУНА

Эвелин проснулась от того, что кто-то настойчиво тряс её за плечо.

— Мисс Харт. Мисс Харт, просыпайтесь.

Она открыла глаза и увидела перед собой лицо Хендрикса. Дворецкий выглядел встревоженным — его седые брови были сведены к переносице, а губы сжаты в тонкую линию.

— Что случилось? — спросила она, садясь на кровати. За окном было ещё темно, и часы на тумбочке показывали половину пятого утра.

— Его Светлость просит вас спуститься в подвал, — сказал Хендрикс. — Немедленно.

— В подвал? — переспросила Эвелин, чувствуя, как холодок пробегает по спине. — Зачем?

Дворецкий замялся, словно подбирая слова. Он посмотрел на неё с лёгкой жалостью, и от этого взгляда у Эвелин внутри всё похолодело.

— Сегодня полнолуние, — сказал он тихо. — Ваше первое. Его Светлость хочет быть рядом, когда начнётся обращение.

Эвелин почувствовала, как её сердце пропустило удар. Она знала, что это должно случиться. Она подписала контракт, зная, что её организм активируется, что она станет оборотнем. Но услышать это вслух — сейчас, в темноте, ко-

гда за окном завывал ветер, — было совсем другим.

— Хорошо, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Дайте мне пять минут.

Хендрикс кивнул и вышел, оставив дверь приоткрытой. Эвелин осталась одна в комнате, которая вдруг показалась ей слишком маленькой, слишком душной.

«Ты справишься, — сказала она себе, вставая с кровати. — Ты — адвокат. Ты пережила худшее. Ты переживёшь и это».

Она надела халат, сунула ноги в тапочки и, глубоко вздохнув, вышла в коридор. Хендрикс ждал её у лестницы, держа в руках свечу, хотя в особняке было электричество. Свеча давала странный, мерцающий свет, который делал тени на стенах живыми, танцующими.

— Почему вы используете свечи? — спросила она, следуя за ним вниз.

— В подвале нет электричества, — ответил он, не оборачиваясь. — И Его Светлость предпочитает старый свет. Он говорит, что лампы слишком... искусственные.

Они спустились на первый этаж, прошли через кухню, мимо кладовых и остановились перед тяжёлой железной дверью, которая вела в подвал. Хендрикс достал из кармана ключ — массивный, с ржавыми зубьями — и повернул его в замке.

— Дальше я не пойду, — сказал он. — Его Светлость сказал, что вы должны спуститься одна.

— Спасибо, — ответила Эвелин, чувствуя, как у неё пересохло в горле.

Она взяла свечу из рук дворецкого и шагнула за порог. Дверь за ней закрылась с глухим лязгом, и она осталась одна в темноте.

Подвал оказался огромным. Сводчатый потолок, каменные стены, покрытые паутиной, и запах сырости, который смешивался с чем-то металлическим — возможно, старыми цепями. Эвелин медленно спускалась по лестнице, держа свечу перед собой, и тени плясали вокруг неё, словно призраки прошлых лет.

Она думала о том, что, возможно, в этом подвале умирали те женщины, о которых говорил Хендрикс. Что их крики до сих пор эхом отдаются в этих стенах. Что она может стать следующей.

— Доминик? — позвала она, и голос её прозвучал слишком громко в тишине.

— Я здесь, — раздался его голос из темноты.

Она повернулась на звук и увидела его. Он стоял у дальней стены, прислонившись к каменной кладке, и в руке держал точно такую же свечу. Его лицо было бледным, глаза — запавшими, словно он не спал несколько ночей подряд.

— Что это за место? — спросила она, подходя ближе.

— Святилище, — ответил он. — Место, где наш клан проводит ритуалы. Где мы встречаем полнолуние.

— Зачем ты привёл меня сюда?

Он сделал шаг к ней, и в свете свечей его лицо казалось почти призрачным.

— Потому что сегодня твой организм начнёт меняться. Сыворотка, которую я ввёл тебе неделю назад, активируется в полнолуние. Ты почувствуешь боль, Эвелин. Твои кости будут ломаться, твоя кожа будет гореть, а твой разум — раскаливаться на части. — Он говорил спокойно, но в его голосе слышалась боль. — Я не могу остановить это. Но я могу быть рядом. Чтобы ты не чувствовала себя одинокой.

— А если я не выживу? — спросила она прямо. — Как те женщины до меня?

Он вздрогнул, словно от удара, и на его лицо легла тень.

— Ты выживешь, — сказал он твёрдо. — Ты — не они. Ты сильнее.

— Откуда ты знаешь?

Доминик замолчал на мгновение, глядя на неё, и в его серых глазах мелькнуло что-то невыразимое.

— Потому что я не хочу, чтобы ты умирала, — сказал он едва слышно. — Я не хочу тебя терять.

Они сидели на каменном полу подвала, разделённые расстоянием в несколько шагов, и ждали. Эвелин смотрела на него, на его профиль, освещённый мерцающим пламенем свечи, и пыталась представить, что он чувствует. Он был альфой, властным, холодным, привыкшим управлять, но сейчас он казался ей уязвимым, почти беззащитным.

— Расскажи мне о себе, — сказала она вдруг.

Он повернулся к ней, удивлённый.

— Зачем?

— Затем, что мы будем ждать до самой ночи, — ответила она. — И я хочу знать, с кем я провожу своё последнее спокойное время.

Он усмехнулся — не зло, а скорее устало.

— Что именно ты хочешь знать?

— Всё, — сказала она. — Почему ты стал таким? Почему ты так боишься близости?

Он долго молчал, глядя в темноту, и Эвелин уже думала, что он не ответит. Но потом он начал говорить, и голос его звучал глухо, как будто он рассказывал не ей, а стенам.

— Мне было двадцать три года, когда мой отец проклял меня, — сказал он. — Я был наследником клана Белых волков. Сильным, амбициозным, готовым править. Но я влюбился. — Он усмехнулся, и в этой усмешке было столько боли, что Эвелин поёжилась. — В дочь вражеского клана. Это была запретная любовь. Отец пришёл в ярость, когда узнал. Он сказал, что я — позор для семьи, и что он не допустит, чтобы его сын связал себя с предательницей.

— Что случилось? — спросила она, чувствуя, как её сердце замирает.

— Он убил её, — ответил Доминик, и его голос стал бесцветным, как у автомата. — Прямо у меня на глазах. А затем проклял меня. Сказал, что я не заслуживаю быть волком, если выбрал человека вместо своей стаи. И он убил во мне

зверя. Навсегда.

Эвелин почувствовала, как по щекам потекли слёзы. Она не знала, почему плачет — то ли от жалости к нему, то ли от боли, которую он носил в себе все эти годы.

— Мне так жаль, — прошептала она.

— Не жалея, — сказал он, поднимая на неё взгляд. — Я заслужил это. Я предал свою стаю ради любви, которая была обречена. Я не имею права на счастье.

— Но я хочу, чтобы ты был счастлив, — сказала она, не задумываясь.

Он посмотрел на неё так, словно видел впервые. В его глазах мелькнуло удивление, а затем — тепло, которого она раньше не замечала.

— Ты странная, — сказал он. — Ты — первая женщина, которая говорит мне такие слова. Все остальные боялись меня или хотели использовать.

— А я хочу тебя спасти, — ответила она. — Даже если это глупо.

Разговор прервался странным звуком — низким, горловым, похожим на рычание. Эвелин почувствовала, как у неё внутри что-то сжалось, словно желудок скрутило в узел.

— Начинается, — сказал Доминик, и его лицо стало напряжённым. — Ложись на пол. Сейчас будет больно.

Она не успела ответить. Внезапно её тело пронзила такая резкая боль, что она вскрикнула, сгибаясь пополам. Это было похоже на то, будто её суставы начали выворачиваться на-

изнанку, кости — трескаться, а кожа — плавиться.

— Дыши! — крикнул Доминик, оказываясь рядом. — Дыши, Эвелин! Не сопротивляйся, просто дыши!

Она слышала его голос сквозь пелену боли, слышала, как он говорит ей, что всё будет хорошо, что она сильная, что она справится. Но слова тонули в агонии, которая рвала её на части.

Она чувствовала, как её позвоночник удлиняется, как рёбра расширяются, как кожа покрывается шерстью. Её ногти превращались в когти, а зубы — в клыки. Она хотела закричать, но из горла вырвался только звериный вой — низкий, пронзительный, полный первобытного ужаса.

— Я здесь, — повторял Доминик, прижимая её голову к своей груди. — Я здесь, я не уйду.

И в какой-то момент боль отступила. Эвелин открыла глаза и увидела мир по-другому. Цвета стали ярче, звуки — громче. Она чувствовала запах Доминика — волка и сосновой смолы, смешанной с его личным, уникальным ароматом, который сводил её с ума.

Она попыталась заговорить, но вместо слов из её горла вырвался рык. Она не понимала, что с ней происходит. Её разум был туманным, наполненным инстинктами, которые она не знала, как контролировать.

— Тш-ш, — прошептал Доминик, поглаживая её по голове. — Тш-ш. Ты в безопасности. Ты — в безопасности, маленькая волчица.

Первое, что Эвелин почувствовала, когда боль окончательно ушла, — это усталость. Нечеловеческая, всепоглощающая усталость, которая навалилась на неё, как бетонная плита. Она лежала на каменном полу, голая, дрожащая, и не могла пошевелить ни рукой, ни ногой.

Доминик накинул на неё свой пиджак, и тепло его тела проникло сквозь ткань, согревая её.

— Всё прошло, — сказал он, и его голос был мягким, почти нежным. — Ты справилась.

Эвелин открыла глаза и увидела его лицо — бледное, но спокойное. В его серых глазах не было ни страха, ни отворачивания. Только странная нежность, которую она не могла объяснить.

— Я... я обратилась? — спросила она, голос её был хриплым, словно она кричала несколько часов.

— Да, — ответил он. — Ты обратилась. Твой волк красив. Серый, с серебристыми глазами, как у тебя.

Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла слабой.

— А ты говорил, что я сильная. Я не чувствую себя сильной.

— Ты — сильная, — повторил он. — Ты выжила, хотя твой организм был к этому не готов. Это — больше, чем могло бы выдержать большинство.

Она закрыла глаза, позволяя усталости взять верх. Она слышала его дыхание, чувствовала его запах, и почему-то это успокаивало.

— Доминик? — прошептала она.

— М-м?

— Спасибо, что остался со мной.

Он не ответил. Но она почувствовала, как его рука легла на её голову, невесомо поглаживая волосы, и это было даже лучше, чем любые слова.

Она проснулась в своей комнате. За окном было утро, и солнечные лучи пробивались сквозь шторы, оставляя золотистые полосы на полу. Эвелин лежала на кровати, укрытая тёплым одеялом, и чувствовала себя странно. Словно она была в своём теле, но в то же время — не совсем.

Она подняла руку и посмотрела на неё. Кожа была чистой, без единой царапины. Но внутри неё поселилось что-то новое — чувство, которое она раньше не испытывала. Ощущение силы, которая дремлет где-то глубоко, готовая проснуться в любой момент.

Дверь открылась, и вошёл Хендрикс с подносом. На подносе был чай, тосты и ваза с цветами.

— Доброе утро, мисс Харт, — сказал он, ставя поднос на тумбочку. — Его Светлость просил передать, что он будет рад видеть вас за завтраком.

— Хендрикс, — сказала она, садясь на кровати, — я хочу спросить вас кое о чём.

— Слушаю вас, мисс.

— Что происходит с оборотнями после того, как они обращаются? Я чувствую странную... тягу к Доминику.

Хендрикс замялся, затем вздохнул, словно собирался с силами.

— Мисс Харт, когда оборотень активизируется, его звериная сущность начинает искать пару. И если в момент обращения рядом находится сильный альфа, его запах может... закрепиться. Ваш волк, скорее всего, признал Его Светлость.

— Признала? — переспросила она с ужасом. — Как истинную пару?

— Именно, — ответил Хендрикс. — Это означает, что ваш волк будет тянуться к нему, что бы вы ни чувствовали. Это инстинкт. И его Светлость... он, скорее всего, чувствует то же самое.

Эвелин замерла. Она подписала контракт на год, чтобы заработать деньги и сбежать. Она не подписывалась на то, чтобы стать чьей-то истинной парой. Не подписывалась на то, чтобы влюбиться в человека, который считает себя монстром.

— Я не могу быть его парой, — сказала она твёрдо. — Я — человек. Я... я планирую уйти. Через год.

— Инстинкты не спрашивают, мисс Харт, — мягко сказал Хендрикс. — Они просто есть. И вы должны решить, как с ними жить.

Завтрак прошёл напряжённо. Доминик сидел напротив неё, и его глаза, серые и пронзительные, не отрывались от неё ни на секунду. Эвелин чувствовала, как её волк внутри неё реагирует на его присутствие — сердце бьётся быстрее,

пальцы дрожат, и она с трудом удерживает себя, чтобы не пересесть ближе.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Я в порядке, — солгала она. — Просто немного устала.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал он, и в его голосе послышалась странная нота.

Она подняла на него взгляд, и что-то в его выражении заставило её замереть. Он смотрел на неё так, как смотрит хищник на добычу, которую не собирается отпускать.

— Доминик, — сказала она, — мы должны поговорить.

— О чём?

— О контракте. О том, что произошло прошлой ночью. О том, что мой волк... он признал тебя. Я чувствую это. И я не знаю, как с этим быть.

Он откинулся на спинку стула, и его лицо стало непроницаемым.

— Это ничего не меняет, — сказал он. — Контракт остаётся в силе. Ты родишь мне наследника, и через год уйдёшь.

— А если я не захочу уходить? — спросила она, сама не зная, зачем задаёт этот вопрос.

Он долго молчал. Затем поднялся из-за стола и подошёл к ней, наклонившись так близко, что она чувствовала его дыхание.

— Если ты не захочешь уходить, — сказал он, и голос его был почти шёпотом, — я не стану тебя удерживать. Но ты должна знать, что я — не тот, кому стоит доверять своё серд-

це. Я сломан, Эвелин. И я не хочу сломать и тебя.

— Ты не сломаешь меня, — ответила она, глядя ему в глаза. — Потому что я — сильнее, чем ты думаешь.

Ночью Эвелин снова не могла уснуть. Она лежала в своей кровати, глядя в потолок, и пыталась разобраться в том, что с ней происходит. Её волк внутри неё был спокоен, почти доволен, и она знала почему. Потому что Доминик был где-то рядом. В этом же доме. В той же комнате, что и она.

Она выскользнула из кровати и тихо, босиком, пошла по коридору. Она не знала, куда идёт, но её ноги сами несли её к его комнате.

Он не спал. Сидел на кровати, обхватив голову руками, и его плечи вздрагивали. Услышав её шаги, он поднял голову, и Эвелин увидела на его лице слёзы.

— Ты плачешь? — спросила она, подходя ближе.

— Я не должен был позволять тебе остаться, — сказал он хрипло. — Я должен был прогнать тебя, когда была возможность.

— Но ты не прогнал, — она села рядом с ним на кровать, взяв его руку в свою. — И теперь я здесь. И я никуда не уйду.

Он посмотрел на неё, и его глаза горели жёлтым светом. Он протянул руку и коснулся её щеки, проводя большим пальцем по скуле, и от его прикосновения по её телу пробежала дрожь.

— Эвелин, — сказал он, и в его голосе звучала мольба, — если я поцелую тебя сейчас, я не смогу остановиться. Я не

хочу делать это, пока ты не будешь готова.

— Я готова, — прошептала она.

Он наклонился к ней, и их губы встретились. Поцелуй был нежным, почти неуверенным, но в нём было столько боли и тоски, что у Эвелин защемило сердце. Она ответила на него, прижимаясь ближе, чувствуя, как его руки обвивают её талию, как его запах наполняет её лёгкие.

Когда он отстранился, в его глазах блеснули слёзы.

— Ты — моё спасение, — прошептал он. — Ты — моё проклятие. И я не знаю, как с этим жить.

— Мы научимся, — ответила она, прижимаясь головой к его груди. — Мы научимся вместе.

Они просидели так до утра, обнявшись, слушая биение сердец друг друга. Никто из них не говорил о контракте, о его условиях, о том, что через год она должна уйти. Они просто были вместе. И это было важнее всех обещаний, которые они дали друг другу.

Утром Доминик проводил её до двери её комнаты, и на его губах играла лёгкая улыбка.

— Спокойной ночи, — сказал он.

— Уже утро, — ответила она с улыбкой.

— Тогда спокойного утра, — он поцеловал её в лоб и ушёл.

Эвелин вошла в свою комнату и села на кровать, чувствуя, как её сердце бьётся в унисон с его. Она знала, что это только начало. Что впереди их ждут испытания, которые могли бы

сломать любого. Но сейчас, в это утро, она чувствовала себя счастливой впервые за долгое время.

«Мы справимся, — подумала она, глядя в окно, где восходило солнце. — Мы справимся, потому что мы вместе».

ГЛАВА 3. ПРИЗРАК ПРОШЛОГО

Прошла неделя с той ночи, когда Эвелин впервые обратилась. Она привыкала к своей новой сущности медленно, с трудом, но каждое утро просыпалась с чувством, что её тело становится ей более родным, чем когда-либо прежде. Она научилась различать запахи — не только Доминика, который пропитал весь особняк, но и Хендрикса, и других слуг, и даже запах старого дерева, которое дышало историей.

Но самое главное — она научилась чувствовать Доминика на расстоянии.

Она знала, когда он входит в дом, ещё до того, как видела его. Её волк внутри неё начинал вилять хвостом (если это можно было назвать вилянием в человеческом теле), сердце билось быстрее, и на губах появлялась улыбка, которую она не могла контролировать.

Доминик тоже изменился. Он стал чаще прикасаться к ней — нежно, почти случайно, но эти прикосновения говорили больше, чем любые слова. Он мог поправить прядь волос, упавшую на её лицо, или коснуться её руки, когда она передавала ему чашку. И каждый раз его серые глаза теплели, и на губах появлялась та странная, почти робкая улыбка.

Но идиллия не могла длиться вечно.

Это случилось в четверг, когда за завтраком Хендрикс объявил, что у них будут гости.

— Его Светлость, — сказал дворецкий, склонив голову в лёгком поклоне, — сегодня вечером прибывает делегация из клана Пепельных. Они хотят обсудить вопрос о границах и, возможно, заключить новый торговый договор.

Доминик, который как раз отпивал кофе, нахмурился.

— Я не давал согласия на встречу, — сказал он сухо. — Кто организовал этот визит?

— Старейшина Маркус, — ответил Хендрикс, и его голос дрогнул. — Он считает, что это необходимо для укрепления отношений между кланами.

Эвелин заметила, как Доминик напрягся. Его челюсти сжались, а в глазах мелькнула тень — не гнева, а скорее тревоги.

— Маркус, — повторил он с ледяной усмешкой. — Конечно. Он никогда не упускает возможности напомнить мне о моих обязанностях.

— Кто такой Маркус? — спросила Эвелин, чувствуя, как её волк внутри неё насторожился.

Доминик посмотрел на неё, и на мгновение его лицо смягчилось.

— Мой дядя, — сказал он. — Старший брат моего отца. Он был регентом до моего совершеннолетия и до сих пор считает, что ему принадлежит власть. Он никогда не простил мне того, что я стал альфой вместо него.

— И он не рад нашему браку? — спросила она прямо.

Доминик усмехнулся — горько и холодно.

— Он считает, что я должен был взять в пару волчицу из клана Пепельных, чтобы укрепить союз. А ты — человек. Для него это оскорбление.

Эвелин почувствовала, как её сердце сжалось. Она знала, что её происхождение будет проблемой, но услышать это вслух было неприятно.

— Что он может сделать? — спросила она.

— Пока ничего, — ответил Доминик. — Ты моя жена по контракту, и клан должен уважать это. Но Маркус умеет играть долгую игру. Он не нападёт открыто. Он будет ждать, пока я совершу ошибку.

— Тогда мы не дадим ему этой ошибки, — сказала Эвелин, чувствуя, как её волк встаёт на защиту. — Мы будем осторожны.

Доминик посмотрел на неё с удивлением. А затем на его губах появилась та самая тёплая улыбка, от которой у неё таяло сердце.

— Ты — невероятная, — сказал он. — Я ещё не встречал никого, кто бы ни боялся Маркуса.

— Я — адвокат, — ответила она с лёгкой усмешкой. — Я привыкла иметь дело с теми, кто пытается меня запугать.

Вечером Эвелин надела лучшее платье — тёмно-синее, с закрытыми плечами и длинным подолом, которое выгодно подчёркивало её фигуру. Она заколола волосы, нанесла лёгкий макияж и взглянула на себя в зеркало.

Внутри неё сидел волк, который смотрел на отражение её

глазами — спокойный, собранный, готовый к бою.

— Ты справишься, — сказала она себе. — Ты пережила худшее. Ты переживёшь и это.

Когда она спустилась в холл, Доминик уже ждал её. Он был в строгом чёрном костюме, от которого его глаза казались ещё более серыми, почти стальными. Увидев её, он замер на мгновение, и в его взгляде мелькнуло что-то, отчего у Эвелин перехватило дыхание.

— Ты великолепна, — сказал он, подходя к ней и беря за руку. — Сегодня ты будешь стоять рядом со мной и улыбаться. Что бы ни случилось, не показывай страха. Маркус чувствует слабость, как кровь.

— Я не боюсь, — ответила она, сжимая его ладонь. — Я с тобой.

Он наклонился и поцеловал её в лоб — быстро, но нежно, и этот жест сказал больше, чем любые слова.

В этот момент дверь распахнулась, и в холл вошла делегация.

Маркус оказался высоким, подтянутым мужчиной лет шестидесяти, с седыми волосами и пронзительными жёлтыми глазами. Он был одет в дорогой костюм, и на его пальцах поблёскивали перстни с волчьими клыками. За ним стояли двое мужчин — вероятно, его приближённые — и женщина, которая привлекла внимание Эвелин.

Женщина была красивой до боли. Высокая, стройная, с длинными чёрными волосами и глазами цвета янтаря. Она

была одета в алое платье, которое подчёркивало каждый изгиб её тела, и на её губах играла насмешливая улыбка.

— Доминик, — сказал Маркус, делая шаг вперёд, — рад видеть тебя. Ты выглядишь... неважно. Вероятно, последние события сильно повлияли на твоё здоровье.

— Дядя, — ответил Доминик, и в его голосе звучал лёд. — Какая неожиданная радость. Я не ожидал тебя сегодня.

— О, я решил нанести неофициальный визит, — сказал Маркус, переводя взгляд на Эвелин. — Хотел познакомиться с твоей... женой. — Он сделал паузу, и в его голосе послышалась насмешка. — Мне говорили, что она красива. Но я не ожидал, что она будет так похожа на человека.

— Потому что я человек, — ответила Эвелин спокойно, глядя ему прямо в глаза. — И я горжусь этим.

Маркус удивлённо приподнял бровь. Он явно не ожидал, что она будет дерзить.

— Интересно, — сказал он, обводя её взглядом. — Доминик, ты всегда умел выбирать необычных женщин. Помню, твоя первая любовь была такой же смелой. Как там её звали? Лидия?

Эвелин почувствовала, как Доминик напрягся. Его пальцы сжались вокруг её руки, и на лице мелькнула тень боли.

— Мы не будем говорить о прошлом, — сказал он ледяным тоном. — Сегодня мы обсуждаем границы кланов.

— Конечно, — Маркус усмехнулся. — Но сначала я хочу представить тебе мою спутницу. Это Амалия, дочь альфы

клана Пепельных. Она специально приехала, чтобы встретиться с тобой.

Женщина в алом платье шагнула вперёд, и её янтарные глаза остановились на Доминике.

— Рада познакомиться с тобой, Доминик, — сказала она с бархатистым, почти мурлыкающим голосом. — Я много слышала о тебе. И не переставала восхищаться.

Эвелин чувствовала, как её волк внутри неё начинает рычать. Она не могла контролировать эту реакцию — её сущность видела в Амалии угрозу. И эта угроза была реальной. Женщина была красивой, уверенной в себе и, скорее всего, гораздо более «подходящей» для альфы, чем человек-адвокат.

— Амалия, — сказал Доминик, и его голос был вежливым, но безразличным. — Слышал о тебе. Говорят, ты хороший дипломат.

— Я бы хотела узнать тебя получше, — ответила она, бросив быстрый взгляд на Эвелин. — Возможно, мы могли бы прогуляться по саду и обсудить... общие интересы.

— Моя жена предпочитает, чтобы я не гулял по саду с другими женщинами, — сказал Доминик, и в его голосе слышалась лёгкая насмешка. — У неё ревнивый характер.

Эвелин почувствовала, как её сердце забилось быстрее. Она не знала, откуда взялись эти слова, но они прозвучали как защита. Защита её, её статуса, их союза.

Амалия улыбнулась, но в её янтарных глазах мелькнула

ть разочарования.

— Тогда, возможно, мы обсудим это в другом месте, — сказала она. — Я не хочу нарушать ваш покой.

Ужин прошёл в напряжённой атмосфере. Маркус рассказывал о делах клана, о границах и торговых путях, но его глаза то и дело скользили по Эвелин, словно он оценивал её, искал слабые места. Амалия сидела напротив Доминика, и её взгляд был прикован к нему, словно он был единственным мужчиной в комнате.

Эвелин чувствовала себя чужой. Она пыталась сохранять спокойствие, улыбаться, поддерживать разговор, но внутри неё поднималась волна ревности и тревоги. Она видела, как Амалия смотрит на Доминика, как она поправляет волосы, как наклоняется вперёд, чтобы он мог увидеть вырез её платья. И ей хотелось зарычать.

Она не знала, что этот голод внутри неё был голосом её волка, который отчаянно пытался защитить свою пару. Она просто чувствовала, что её сердце разрывается, и что она готова сделать что угодно, чтобы Амалия исчезла из их жизни.

После ужина они перешли в гостиную, где подали десерт и вино. Маркус общался с Домиником вполголоса, а Амалия подошла к Эвелин, когда та стояла у окна, глядя на ночной сад.

— Ты, наверное, чувствуешь себя неловко, — сказала Амалия с улыбкой. — Быть человеком среди оборотней — это тяжело. Ты не знаешь наших обычаев, наших законов.

Ты не знаешь, как мы живём.

— Я знаю достаточно, — ответила Эвелин, стараясь сохранять спокойствие. — Я — адвокат по бракоразводным процессам. Моя специализация — оборотни. Я работала с десятками кланов и знаю ваши законы не хуже вас.

— Ах да, — Амалия усмехнулась. — Ты — адвокат. Этим ты и взяла Доминика? Своей... юридической подкованностью? — Она сделала шаг ближе, и в её янтарных глазах мелькнула насмешка. — Дорогая, Доминик никогда не любил людей. Ты — просто инструмент для него. Он использует тебя, чтобы получить наследника, а затем выбросит, как ненужную вещь.

— Это мои проблемы, — сказала Эвелин, чувствуя, как её волк внутри неё напрягается. — Мне не нужны твои советы.

— Я не даю тебе советы, — Амалия улыбнулась, но улыбка была холодной. — Я предупреждаю тебя. Ты — чужая здесь. И всегда будешь чужой. А я... я — одна из них. Я могу дать ему то, чего ты никогда не сможешь. Силу. Положение. Наследников, которые будут настоящими волками, а не полукровками.

Эвелин почувствовала, как её руки начинают дрожать. Она хотела ответить, хотела поставить эту женщину на место, но вместо этого она просто смотрела на неё, чувствуя, как её горло сжимается.

В этот момент к ним подошёл Доминик.

— Амалия, — сказал он, и его голос был ледяным. — Ка-

жется, ты пытаешься оскорбить мою жену. Я советую тебе остановиться, пока я не попросил тебя покинуть мой дом.

Амалия отступила, и на её лице мелькнула тень раздражения.

— Я просто хотела поговорить с ней, — сказала она. — Женские разговоры, понимаешь?

— Я понимаю, — ответил Доминик, и в его серых глазах вспыхнул жёлтый свет. — И я говорю тебе: не приближайся к ней. Она — моя пара. И я не позволю никому ставить её под сомнение.

После того как гости уехали, Эвелин сидела в гостиной и смотрела на догорающие свечи. Она чувствовала себя опустошённой и одновременно наполненной — странным чувством, которое она не могла объяснить.

Доминик вошёл в комнату и закрыл за собой дверь.

— Ты в порядке? — спросил он, садясь рядом с ней.

— Да, — ответила она, не глядя на него. — Я просто устала.

— Эвелин, — сказал он, беря её за руку, — посмотри на меня.

Она подняла глаза. В его серых глазах была тревога, смешанная с нежностью.

— То, что сказала Амалия... — начал он.

— Это правда, да? — перебила она. — Ты просто используешь меня. Через год я уйду, и ты найдёшь другую. Волчицу. Которая будет сильной. Которая будет подходить тебе.

— Нет, — сказал он твёрдо. — Нет, Эвелин. Ты ошибаешься.

— Тогда почему ты не сказал ей, что я — твоя истинная пара? — спросила она. — Ты не сказал ей, что я — твоя судьба. Ты просто сказал, что я — твоя жена.

Он замолчал на мгновение, и его лицо стало серьёзным.

— Потому что я не хочу, чтобы она знала, — сказал он. — Если Маркус узнает, что ты — моя истинная пара, он сделает всё, чтобы уничтожить тебя. Он не может позволить мне быть счастливым.

— А ты счастлив? — спросила она.

Он улыбнулся — той самой тёплой улыбкой, от которой у неё таяло сердце.

— С тобой — да. Я счастлив, Эвелин. Я не знал, что это такое, пока не встретил тебя.

Она почувствовала, как по щекам текут слёзы.

— Тогда обещай мне, — сказала она. — Обещай, что не отпустишь меня. Что бы ни случилось. Обещай, что будешь бороться за нас.

Он прижал её к себе и прошептал в волосы:

— Обещаю. Я буду бороться за нас. Пока я дышу.

Они сидели в темноте, обнявшись, слушая, как за окном воет ветер. Эвелин чувствовала его сердцебиение, и это успокаивало её. Она знала, что впереди их ждут ещё большие испытания. Что Маркус не отступит, что Амалия будет пытаться встать между ними. Но сейчас, в этот момент, она

чувствовала только одно — она не одна. У неё есть он.

— Доминик, — сказала она, поднимая голову, — я хочу знать всё о твоём прошлом. О твоей первой любви. О том, что с ней случилось.

Он замолчал на мгновение, затем глубоко вздохнул.

— Её звали Лидия, — начал он. — Она была человеком. Мы познакомились, когда мне было двадцать два. Она работала в приюте для оборотней, как и ты. Я влюбился в неё с первого взгляда. Она была смелой, доброй, искренней. Она не боялась меня.

— Что случилось? — спросила Эвелин.

— Мой отец узнал о нас, — сказал он, и его голос стал глухим. — Он сказал, что я — позор для клана. Что альфа не может быть с человеком. Он приказал ей уйти. Она отказалась. Тогда он... — он замолчал на мгновение, и Эвелин почувствовала, как его тело напряглось. — Он убил её. Прямо у меня на глазах.

— Боже, — прошептала она, чувствуя, как у неё перехватывает дыхание. — Доминик, мне так жаль.

— Не жалею, — сказал он, и в его голосе была горечь. — Я не спас её. Я был слабым. С тех пор я поклялся, что никогда больше не позволю себе полюбить. Что никогда не дам никому права использовать мои чувства против меня.

— Но ты позволил, — сказала она. — Ты позволил себе полюбить меня.

Он посмотрел на неё, и в его глазах была боль и надежда,

смешанные вместе.

— Да, — сказал он. — Я не смог удержаться. Ты ворвалась в мою жизнь, как ураган, и разрушила все стены, которые я строил.

— Я не разрушу их, — сказала она, касаясь его щеки. — Я помогу тебе построить новые. Только лучше. Такие, которые будут защищать нас, а не изолировать.

Этой ночью Эвелин впервые осталась в его комнате. Они лежали в кровати, обнявшись, и она чувствовала, как его дыхание становится ровным, как его сердце бьётся в унисон с её. Её волк был спокоен, почти доволен, и она знала почему. Она была там, где должна была быть. С ним.

— Доминик? — прошептала она.

— М-м? — ответил он полусонно.

— Я хочу, чтобы ты знал. Я не боюсь твоего отца, Маркуса или кого-либо ещё. Я буду бороться за нас. Всегда.

Он открыл глаза и посмотрел на неё.

— Знаю, — сказал он. — Ты — самая сильная женщина, которую я встречал. И я никогда не отпущу тебя.

Она улыбнулась и прижалась к нему, чувствуя, как засыпает в его объятиях.

«Мы справимся, — думала она, проваливаясь в сон. — Мы справимся. Потому что наша любовь сильнее любой боли».

Утром Эвелин проснулась с чувством, что внутри неё что-то изменилось. Она не знала, что именно, но её тело было

лёгким, почти парящим. Она открыла глаза и увидела, что Доминик уже не спит — он сидел на кровати, прислонившись спиной к изголовью, и смотрел на неё с тёплой улыбкой.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе утро, — ответила она, чувствуя, как смущение заликает щёки.

Он протянул руку и коснулся её лица.

— Я хотел спросить тебя кое о чём, — сказал он, и его голос стал серьёзным. — Как ты смотришь на то, чтобы съездить в мой старый дом? Там, где я вырос. Это далеко от города, в лесу. Я хочу, чтобы ты увидела, откуда я пришёл.

Она удивилась. Это было первое приглашение, которое он делал ей. Первый шаг к тому, чтобы открыть ей свою душу.

— Конечно, — ответила она. — Я хочу увидеть это.

Он улыбнулся, и его серые глаза засияли.

— Тогда собирайся. Мы поедем сегодня.

Дорога к старому дому заняла несколько часов. Они ехали через лес, который становился всё более густым и диким, и Эвелин чувствовала, как её волк внутри неё начинает беспокоиться. Лес пах жизнью, свободой и чем-то древним, что она не могла объяснить.

— Мы почти приехали, — сказал Доминик, когда они свернули на грунтовую дорогу. — Это место — моё убежище. Я приезжаю сюда, когда хочу побыть один.

Они остановились перед старым каменным домом, кото-

рый был похож на средневековый замок. Он был окружён лесом, и его стены были покрыты плющом, который делал его почти невидимым.

— Он красивый, — сказала Эвелин, выходя из машины.

— Он мой, — ответил Доминик. — Единственное, что осталось от моего прошлого.

Внутри дом был старым, но уютным. Каменные стены, массивные деревянные двери, огромный камин, в котором трещал огонь. Эвелин чувствовала, как её волк внутри неё успокаивается, словно дом признавал её своей.

— Садись, — сказал Доминик, указывая на диван перед камином. — Я расскажу тебе всё. О моей семье. О моём прошлом. О том, что я скрывал от всех.

Она села на диван, чувствуя, как её сердце бьётся быстрее. Она знала, что это был важный момент. Что он готов открыть ей свою душу. И она была готова слушать.

«Я здесь, — думала она, глядя на него. — Я здесь, и я не уйду. Что бы ни случилось».

ГЛАВА 4. ТАЙНЫ СТАРОГО ДОМА

Огонь в камине трещал и плясал, отбрасывая тени на каменные стены старого дома. Эвелин сидела на диване, поджав под себя ноги, и смотрела на Доминика, который стоял у камина, глядя на пламя. В его глазах отражался огонь, делая их почти золотыми, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна любви и нежности.

— Я не знаю, с чего начать, — сказал он, не оборачиваясь. — Это так сложно... рассказать о том, что я прятал всю свою жизнь.

— Начни с начала, — предложила она мягко. — С того момента, когда всё пошло не так.

Он глубоко вздохнул и повернулся к ней. Его лицо было серьёзным, почти мрачным, но в глазах горела решимость.

— Мой отец, Вольфганг Вульф, был не просто альфой, — начал он. — Он был тираном. Он правил кланом железной рукой и не терпел никаких возражений. Он считал, что сила — это единственное, что имеет значение, и что слабость должна быть наказана.

— А ты был слабым? — спросила Эвелин.

— Я был чувствительным, — ответил он с горькой усмешкой. — Я любил читать, изучать историю клана, разбираться

в законах. Мой отец считал это недостойным альфы. Он хотел, чтобы я был воином, а я был дипломатом. Но потом я встретил Лидию... и всё изменилось. Я понял, что есть вещи важнее силы.

Он замолчал на мгновение, и Эвелин видела, как его лицо искажается от боли.

— Когда он убил её, — продолжил он, — я поклялся, что стану сильнее. Что я никогда больше не позволю никому управлять мной. Я изучал тёмную магию, которую мой отец скрывал от всех. Я нашёл способ снять проклятие, которое он наложил на меня. Но для этого мне нужна была женщина из древнего рода. Я искал её годы. И когда я нашёл тебя... я думал, что это просто совпадение.

— Но это не совпадение? — спросила она, чувствуя, как её сердце забилося быстрее.

Он подошёл к ней и сел рядом, взяв её руки в свои.

— Нет, — сказал он. — Ты — не совпадение. Ты — часть пророчества. Мой отец знал, что однажды появится женщина из рода Луны, которая сможет снять проклятие. Он боялся этого, потому что знал, что она освободит меня. Что я стану сильнее его.

— Пророчества? — переспросила она, чувствуя, как у неё перехватывает дыхание. — Я не понимаю. Я — обычный человек. Я не волшебница.

— Ты — не обычный человек, — сказал он, сжимая её руки. — Твой род ведёт происхождение от древней волчицы,

которая была первой оборотней. В тебе течёт кровь Луны. И эта кровь может снять любое проклятие. Даже то, которое наложил мой отец.

Эвелин сидела в оцепенении, переваривая услышанное. Она всегда думала, что её род был обычным, незначительным. Её бабушка рассказывала ей сказки о луне, о волках, о древних временах, но она никогда не воспринимала их всерьёз.

— Но как это возможно? — спросила она. — Я никогда не чувствовала в себе ничего необычного. Я не знала, что я — часть какого-то пророчества.

— Ты не знала, потому что твоя семья скрывала это, — ответил Доминик. — Они боялись, что кто-то из кланов найдёт тебя и использует. Когда я нашёл тебя, я понял, что ты — та, кого я искал. Твоя кровь — ключ к моему освобождению.

— А если я не хочу быть ключом? — спросила она, и её голос дрогнул. — Что, если я просто хочу быть твоей женой, а не оружием в чьих-то руках?

Он посмотрел на неё с болью, которая отразилась в его серых глазах.

— Ты — не оружие, — сказал он. — Ты — моя пара. Моя истинная пара. И я никогда не использовал бы тебя против твоей воли. Но я должен был рассказать тебе правду. Потому что Маркус знает о пророчестве. Он будет пытаться использовать тебя, чтобы уничтожить меня.

— Тогда мы должны быть на шаг впереди, — сказала она,

чувствуя, как в ней просыпается решимость. — Расскажи мне всё. Что именно нужно сделать, чтобы снять проклятие?

Он встал и подошёл к камину, где на стене висел старый гобелен. Он отодвинул его, и за ним оказалась потайная дверь, вырезанная в камне.

— Идём, — сказал он. — Я покажу тебе то, что никто не видел.

. Они спустились в подвал, который оказался гораздо более просторным, чем подвал в особняке Доминика. Здесь были каменные стены, выложенные старинными рунами, и в центре стоял алтарь, покрытый пылью и паутиной. На стенах висели древние свитки и книги, которые пахли временем и тайнами.

— Это библиотека моего отца, — сказал Доминик, зажигая свечи. — Он собирал эти знания всю свою жизнь, но никогда не использовал их во благо. Он использовал их, чтобы проклинать и убивать. Я нашёл эти записи после его смерти и понял, что наша семья была проклята задолго до того, как он наложил проклятие на меня.

Эвелин подошла к одной из полок и провела пальцем по кожаным корешкам книг. Они были холодными на ощупь, словно хранили в себе чужую боль.

— Что ты ищешь здесь? — спросила она.

— Способ снять проклятие, — ответил он, подходя к ней. — Я нашёл его, но он требует жертвы. Крови из рода Луны. Я не хочу причинять тебе боль, Эвелин. Но если мы не сделаем

этого, Маркус найдёт способ использовать тебя против меня. Он убьёт тебя, чтобы получить твою кровь.

— Тогда мы сделаем это, — сказала она твёрдо. — Я готова.

Он повернулся к ней, и в его глазах была удивление, смешанное с благодарностью.

— Ты — невероятная, — сказал он. — Ты — единственная, кто не боится. Даже когда знает правду.

— Я боюсь, — призналась она. — Я боюсь потерять тебя. Я боюсь, что Маркус победит. Но я не могу позволить страху управлять мной. Мы справимся, Доминик. Мы справимся вместе.

Он взял с полки старый свиток, пожелтевший от времени, и развернул его на алтаре. На нём были начертаны руны, которые светились в свете свечей слабым серебристым светом.

— Это ритуал снятия проклятия, — сказал он. — Он требует, чтобы я принёс в жертву свою кровь и кровь женщины из рода Луны. После этого проклятие будет снято, и я снова смогу превращаться. Но есть одна проблема.

— Какая? — спросила она.

— Во время ритуала ты можешь почувствовать боль, — сказал он. — Твоя кровь будет смешана с моей, и это может вызвать необратимую связь. Ты станешь не просто моей парой. Ты станешь моей тенью. Навсегда.

Эвелин замерла. Она знала, что такое быть тенью. Это означало, что она будет чувствовать его боль, его страхи, его

мысли. Она не сможет скрыть от него свои чувства. Она будет принадлежать ему так же, как он будет принадлежать ей.

— Я готова, — сказала она. — Я хочу быть с тобой. Всегда.

Он посмотрел на неё с такой любовью, что у неё защемило сердце.

— Тогда мы сделаем это, — сказал он. — Но не сегодня. Сначала мы должны подготовиться. Я должен быть уверен, что ритуал пройдёт безопасно для тебя.

Они поднялись наверх, и Эвелин почувствовала, как её волк внутри неё успокаивается. Она была в безопасности. С ним. В этом доме, который пах его прошлым и его болью.

Они сидели у камина, и она чувствовала, как его рука обвивает её талию, притягивая ближе. Она закрыла глаза и позволила себе расслабиться, чувствуя тепло огня и тепло его тела.

— Доминик, — сказала она. — Что будет после того, как мы снимем проклятие? Ты станешь альфой, которого все боялись? Или ты останешься собой?

Он задумался на мгновение, затем ответил:

— Я не знаю. Я не знаю, каким я стану. Но я знаю, что я хочу быть с тобой. Я хочу, чтобы ты была рядом, что бы ни случилось.

Она улыбнулась и повернулась к нему, глядя в его серые глаза.

— Тогда я буду рядом. Всегда.

Они остались в старом доме на ночь. Эвелин лежала в кровати, которая пахла Домиником, и чувствовала, как его руки обнимают её, как его дыхание щекочет её шею. Она была счастлива. Но в глубине души знала, что это счастье может быть недолгим.

— Доминик? — прошептала она, когда он уже почти заснул.

— М-м?

— Что, если Маркус узнает о том, что мы здесь? Что, если он последует за нами?

Доминик открыл глаза, и в темноте она увидела, как они засветились жёлтым светом.

— Я не позволю ему причинить тебе боль, — сказал он твёрдо. — Я защищу тебя. Даже если мне придётся умереть.

— Не говори так, — сказала она, прижимаясь к нему. — Не говори о смерти. Мы будем жить. Вместе. Долго и счастливо.

Он улыбнулся и поцеловал её в лоб.

— Обещаю. Мы будем жить. Долго и счастливо.

На следующее утро Эвелин проснулась от звука шагов за дверью. Она села на кровати, прислушиваясь. Шаги были тяжёлыми, осторожными, словно кто-то крался по дому.

— Доминик, — прошептала она, толкая его в плечо. — Просыпайся. Кто-то здесь.

Он мгновенно открыл глаза и прислушался. Его тело напряглось, и она почувствовала, как он перешёл в боевой ре-

жим — его мышцы напряглись, а глаза засветились жёлтым светом.

— Оставайся здесь, — сказал он, вставая с кровати. — Не выходи из комнаты.

Он вышел в коридор, и Эвелин услышала, как он что-то говорит на языке оборотней, который она ещё не до конца понимала. Затем раздался шум борьбы, а затем — звук падающего тела.

Эвелин выскочила из комнаты, чтобы увидеть, что происходит. Доминик стоял над распростёртым на полу мужчиной, который был одет в чёрное. На полу рядом с ним лежал нож, покрытый серебром.

— Маркус отправил его, — сказал Доминик, его голос был холодным, как лёд. — Он знал, что мы здесь.

Эвелин почувствовала, как холодный страх овладел ею. Маркус знал. Он знал, где они находятся, и он отправил убийцу. Это означало, что война началась.

— Что нам делать? — спросила она, глядя на Доминика.

— Мы должны вернуться в особняк, — сказал он. — Там мы в безопасности. Здесь мы слишком уязвимы.

Они быстро собрались и вышли из дома. Но когда они подошли к машине, они увидели, что шины проколоты.

— Это ловушка, — сказал Доминик, оглядывая лес. — Он знал, что мы будем бежать.

Эвелин чувствовала, как её сердце бешено колотится. Лес вокруг казался враждебным, живым, полным глаз, которые

свелили за ними.

— Мы можем пойти пешком, — сказала она. — Лес — моя территория. Теперь я — часть его.

Доминик посмотрел на неё с удивлением, а затем улыбнулся.

— Ты права, — сказал он. — Ты — часть леса. И мы используем это.

Они шли через лес несколько часов. Эвелин чувствовала, как её волк внутри неё становится сильнее, как он ведёт их через густые заросли, через ручьи и овраги. Она чувствовала запах врагов, которые преследовали их, и знала, что они приближаются.

— Они близко, — сказала она, останавливаясь. — Я чувствую их запах. Серебро и страх.

Доминик встал рядом с ней, готовый к бою.

— Тогда мы встретим их, — сказал он. — Вместе.

Они стояли в лесу, готовые к битве, и Эвелин чувствовала, как её волк внутри неё рычит, готовый защищать свою пару. Она не знала, что их ждёт, но она знала одно: она не будет сдаваться. Она будет сражаться. За него. За них. За их будущее.

ГЛАВА 5. ПЕРВАЯ КРОВЬ

Лес дышал. Эвелин чувствовала это каждой клеткой своего тела — как ветер шевелит листву, как земля вибрирует под ногами преследователей, как воздух сгущается перед бурей. Её волк внутри неё был настороже, готовый к бою, и она впервые осознала, что не боится. Она была частью этого мира теперь. И мир признавал её.

— Их трое, — прошептал Доминик, стоя рядом с ней. Его глаза горели жёлтым, а тело было напряжено, как струна. — Я чувствую запах серебра. Они вооружены.

— Я тоже чувствую, — ответила она, и её голос звучал низко, почти зверино. — Один справа, двое слева. Они идут по дуге. Хотят взять нас в клещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.